

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030014

**«Заварить сборное месиво из обломков всех групп»:
Российская ассоциация пролетарских писателей
в Федерации объединений советских писателей**

© 2024 г. Д. С. Московская

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
заведующая Отделом рукописей
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>
darya-mos@yandex.ru

Резюме. Федерация объединений советских писателей (ФОСП) впервые рассмотрена с позиций социологии литературного процесса. Традиционный историко-литературный вопрос, кем и за чем была создана ФОСП, здесь заменен более значимой с точки зрения литературного процесса проблематикой: почему ФОСП возникла в условиях конкуренции на рынке литературного производства, кому в условиях рыночной экономики ФОСП была более всего нужна, и, наконец, существовала ли перспектива дальнейшего функционирования ФОСП после 1932 г. Показано, что ФОСП и ее институты, в первую очередь издательство «Федерация», были законным детищем эпохи нэпа и послужили стратегическим целям Ассоциации пролетарских писателей по завоеванию гегемонии на рынке литературного производства, по вовлечению в творческий процесс большого числа непрофессиональных малообразованных писателей из числа рабочих, крестьян, красноармейцев, созданию массового потребителя пролетарской литературной продукции и подавлению символической ценности высокохудожественной литературы и писательского профессионализма. Так как «генетический код» ФОСП, как и пролетарской Ассоциации, принадлежал к эпохе нэпа, у Федерации не было перспектив прижиться в экономико-политических условиях 1930-х годов.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00394) «“Стенограмма”: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.». <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>

Ключевые слова: ФОСП, РАПП, нэп, массовый писатель, литературное производство, поле литературы.

Для цитирования: *Московская Д.С.* «Заварить сборное месиво из обломков всех групп»: Российская ассоциация пролетарских писателей в Федерации объединений советских писателей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S1605788024030014

“To Brew a Prefabricated Medley of the Wreckage of All Groups”: The Russian Association of Proletarian Writers in the Federation of Associations of Soviet Writers

© 2024 Daria S. Moskovskaya

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher, Head of the Manuscripts Department
of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>
darya-mos@yandex.ru

Abstract. The Federation of Soviet Writers' Associations (FOSP) is examined for the first time from the perspective of the sociology of the literary process. The traditional historical and literary question of who created the FOSP and why is replaced here by a more significant problem from the point of view of the literary process: why did the FOSP emerge in the conditions of competition on the market of literary production, who needed the FOSP most in the conditions of the market economy, and, finally, whether there was any prospect of the FOSP continuing to function after 1932. It is shown that the FOSP and its institutions, first and foremost the Federation publishing house, were the legitimate product of the NEP era and served the strategic goals of the Proletarian Union of Soviet Writers. Since the “genetic code” of the FOSP, like that of the Proletarian Association, belonged to the NEP era, the Federation had no chance of taking root in the economic and political conditions of the 1930s.

Acknowledgements. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 20-18-00394) «“Transcript”: Politics and Literature. Digital archive of literary organizations of the 1920s–1930s». <https://rscf.ru/project/20-18-00394/>

Key words: FOSP, RAPP, NEP, mass reader, literature production, literature field.

For citation: Moskovskaya, D.S. “Zavarit’ sbornoe mesivo iz oblomkov vsekh grupp”: Rossijskaya asociaciya proletarskih pisatelej v Federacii objedinenij sovetskih pisatelej [“To Brew a Prefabricated Medley of the Wreckage of All Groups”: The Russian Association of Proletarian Writers in the Federation of Associations of Soviet Writers]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 7–18. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030014

Федерация объединений советских писателей (ФОСП) до сих пор мало интересовала историков советской литературы. Несколько страниц ей уделил Э. Браун [1, с. 48–53]. С. Шешуков ненадолго задержался на этом объединении в монографии «Неистовые ревнители» [2, с. 99–103, 188–218] в разделах, посвященных борьбе Д. Фурманова с родовщиной и полемике журнала «На литературном посту» с А.К. Воронским по организационно-идеологическим вопросам федерирования¹. И только дважды ФОСП были посвящены монографические статьи: Аманды Меткаф “The Founding of the Federation of Soviet Writers: The Forgotten Factor in Soviet Literature of the Late Twenties” [3, с. 609–616] и принадлежащая перу

Андрея Рогачевского «В преддверии Союза писателей СССР: ФОСП и институциональные рамки объединения советских писателей в 1920-е годы» [4, с. 265–278], опубликованная в коллективной монографии «Соцреалистический канон».

О создании Федерации объединений советских писателей было объявлено в июле 1925 г. Торжественно открытая в ноябре 1927-го, юбилейного для Советской власти года, она просуществовала до роспуска всех писательских союзов апрельской резолюцией ЦК ВКП (б) 1932 г., не оставив по себе сколько-нибудь впечатляющего послевкусия. В отличие от других литературных институций, возникших после окончания Гражданской войны в первые годы нэпа, ФОСП не обладала важнейшим институциональным признаком, если вслед за последователями феноменологической социологии рассматривать институционализацию как творческий процесс [5, с. 89–131]. И это существенно выделяет ее на фоне других, возникших

¹ Так в стенограммах пролетарских институций обозначилось объединение писательских союзов с сохранением определенной самостоятельности в рамках Федерации. Здесь и далее этот термин будет использоваться в указанном значении.

в 1920-е годы, до начала реконструктивного периода, писательских объединений, рожденных идейно-эстетическим порывом нескольких единомышленников и сохранивших свое имя в истории литературы, таких как «Серапионовы братья» (1921), Леф (1923), ЛЦК (Литературный центр конструктивистов, 1924), «Перевал» (1924), «Обэриу» (1927) и целый ряд пролетарских организаций – Пролеткульт и его наследники. Связанные с 1918 г. с Наркомпросом Пролеткульты до своего окончательного разгона в 1932 г. так и не стали «одним из аппаратов партии по удовлетворению культурных запросов пролетариата» [6, с. 38]. Богдановскую «скверну», «пролеткультуру кружковщины» (Л. Авербах) наследовали поэты-единомышленники «Кузницы», исповедовавшие идею писательской «специализации, мастерства». За что и поплатились. 7 декабря 1922 г. созданная «Кузницей» Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП) была развалена объединенными силами группы «Октябрь» (С. Родов, С. Малашкин и А. Дорогойченко), «Молодая Гвардия» (А. Веселый, А. Безыменский, А. Жаров, Г. Шубин, Н. Кузнецов), «Рабочая Весна» (А. Соколов, А. Исбах, И. Доронин) и «дикими», вне групп, к ним примкнувшими Ю. Либединским, Г. Лелевичем и А. Тарасовым-Родионовым. Сама «Кузница» была вытеснена на периферию литературного процесса и неловко пыталась уцелеть в недрах обновленной в 1926 г. ВАПП. Идеологически-классовый принцип последней, поддержанной, с одной стороны, Отделом печати ЦК партии и ЦК комсомола, с другой, не исключал, однако, подлинно творческого, творящего начала. Среди подписантов публичного заявления о выходе из «Кузницы» были одаренные молодые поэты и писатели, искавшие себе союзников среди себе подобных непрофессионалов. Вскоре они покинули стеснявшую их напостовским ригоризмом ВАПП, чтобы найти себя в альтернативном рабоче-крестьянском писательском союзе «Перевал», созданном Воронским, который, так же как и руководство ВАПП, выполнял в этом деле партийное задание.

На этом пестром и бурлящем литературном фронте, где действовала полная раннего революционного энтузиазма писательская молодежь, разбившаяся на «братские» (Серапионы), «человеческие» (Перевал), «товарищеские, мастерские» (Леф), «рациональные» (ЛЦК), «комсомольские, романтические» («Молодая Гвардия», «Рабочая Весна»), «классовые» («Октябрь») союзы, – история ФОСП обыденна и скучна. Ее институциональная природа инструментальна и искусственна [7, с. 539], принудительное пребывание в

прокрустовом ложе Федерации разномастных писательских групп было лишено какого-либо созидательного, энтузиастического начала: каждая группировка, даже самая «пиквикская» [8, с. 218], такая как ВСП, пыталась получить от ФОСП некую выгоду. Самым интригующим для немногих исследователей истории ФОСП было понять, какими инструментами, кем и руководствуясь какими мотивами Федерация была создана.

По этому кругу вопросов мнения разделились.

Э. Браун пишет, что постановление ЦК «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г. лишило ВАПП возможности бороться за гегемонию на литературном фронте и ВАПП была вынуждена начать заново, шаг за шагом завоевывая расположение попутчиков и одновременно зарабатывая себе право на лидерство, что невозможно было бы сделать, сохрани она самоизоляцию [1, с. 48]. С этой целью в начале 1926 г. лидеры ВАПП обратились в Отдел печати ЦК с предложением создать Федерацию объединений советских писателей, где пролетарские писатели работали бы бок о бок с попутчиками. По мнению Э. Брауна, пролетарская литература была объектом особого расположения партии, политическая линия ВАПП на культурном фронте пользовалась ее полной поддержкой и обещание партии, что будущее будет принадлежать пролетарской культуре, казалось полностью осуществимым.

С. Шешуков предложил свою версию событий. Так же связав появление ФОСП с Резолюцией ЦК 1925 г., он утверждал, что «непосредственная инициатива в объединении советских писателей принадлежала Отделу печати ЦК РКП(б). Осуществить эту инициативу было поручено ВАПП» [2, с. 189]. Федерация советских писателей образовалась «в результате глубоко разумной политики партии» и имела все шансы стать «ускорителем в идейно-творческом единении всех честных писательских сил», чему помешали «рапповцы, продолжавшие свою сектантскую линию» [2, с. 101, 189]. С. Шешуков утверждал, что Резолюция ЦК полагала принципиально новую линию в литературном процессе: «Образование федерации явилось первым и вполне реальным шагом на пути полного объединения всех советских писателей – на пути создания Союза советских писателей СССР» [2, с. 101].

Сходной точки зрения придерживалась и А. Меткаф, считавшая Резолюцию 1925 г. «первым реальным примером партийной заботы о создании основных условий для роста новой культуры в первые годы нового режима» [3, с. 609], и ФОСП, инициированная ВАПП с целью объединения

лучших сил советской литературы, стала конкретным плодом Резолюции.

А. Рогачевский, как и С. Шешуков, полагает, что инициатива создания Федерации исходила от Отдела печати ЦК, а основы для ее формирования были разработаны в резолюции ЦК от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», предусматривавшей возможность организационного сплочения всех небуржуазных по своим взглядам деятелей литературы [4, с. 267]. Как и его предшественники, А. Рогачевский подчеркнул исключительную роль ВАПП в жизни ФОСП: «Чем бы, однако, ни занималась Федерация, тон в ней задавали ВАППовцы» [4, с. 273]. Закономерно схож с мнением Шешукова и следующий из этого наблюдения вывод: «Управление литературой, подразумевающее полное и беспрекословное подчинение всех без исключения писателей чьей-то единой воле (подразумевается воля ЦК. — Д.М.), в подобной атмосфере оказывалось невозможным» [4, с. 273]. ФОСП, как удачно определил А. Рогачевский, была «мертворожденным» писательским союзом, от «возни» с которым партия отказалась, «предпочитая, чтобы литераторы оставались с Советской властью, так сказать, один на один» [4, с. 274].

Исследования Э. Брауна, А. Меткаф и А. Рогачевского ценны тщательной работой с текущей периодикой времени, анализом саморепрезентации ВАПП собственной роли в образовании ФОСП, определением благих ожиданий федеризирующихся от плодов объединения, разочарований во внутренней политике ФОСП под диктатурой ВАПП / РАПП и воспроизведением полемики попутчиков с «пролетарями» (см. библиографию периодики к истории ФОСП: [9, с. 231–232]). Как лаконично отмечает А. Рогачевский в заключительных строках обширной библиографии к статье, «архив ФОСП, уцелевший не полностью, находится на хранении в Институте мировой литературы Российской Академии наук» [4, с. 279].

Действительно, архивные первоисточники способны внести определенные коррективы в представления о контексте и движущих силах литературного процесса и, что, возможно, самое существенное, об истинных мотивах его акторов, но только в том случае, если исследователь не подчиняет первоисточник своим научным предпочтениям, как то имело место в книге С. Шешукова. Опираясь на архивы РАПП Отдела рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, он расслоил пролетарское движение на «ангелов и демонов», отнеся

к первым представителей подлинно партийной линии Д. Фурманова и А. Фадеева, ко вторым — Л. Авербаха и иже с ним, представив таким образом «пролетарский эпизод» советской литературы 1920-х годов как опыт неудачной реализации генеральной линии партии на объединение советских писателей в единую, преданную идеям социализма организацию. Обращение к архивам, как справедливо пишет М. Маликова, обеспечивает в исследовании истории культуры переход на социо-антропологический уровень, представляющий «этос составлявших ее отдельных лиц» [10, с. 6], складывающий новые сюжеты, обнаруживающий новые мотивы в этой истории. Верно и то, что «в архиве учреждения культуры официальные документы обычно значительно преобладают над личными» [10, с. 6], и то, что «для филолога интереснее заниматься филологическими темами, а не партийно-политическими обстоятельствами» [11, с. 3] или «бюрократической» документацией. Но именно деловой документооборот, стенограммы пленумов и конференций, заседаний бюро, секретариатов, резолюции, постановления и т.д. литературных организаций позволяют терпеливому исследователю сосредоточиться на функциях литературных институтов — производстве, коммуникации, потреблении, создании символического капитала [12]–[15]. В этой исследовательской перспективе «самые “чистые” манифестации — даже наиболее критичных интеллектуалов» — окажутся обязанными «мотивам и причинам “нечистым” и, во всяком случае, часто сокрытым от этих профессионалов ясности» [14]. Таким образом, последовательно социологический институциональный подход к литературному процессу методологически напоминает о необходимости присмотреться к институциям и акторам литературной истории, приняв тот отрезвляющий факт, что в их противостоянии или согласии прячется прежде всего социально-психологическая «нужда», а не «добродетель».

В условиях полифоничной культуры «межсезонья»² силы, диктовавшие правила литературного производства, принципиально не меняли структуры социального пространства, определенного неравным распределением различных видов капитала. Перелом 1925 г., вызванный Резолюцией

² Для литературной ситуации эпохи нэпа Н.В. Корниенко предложила определение «оттепель», имея в виду временное «ослабление поводов» в руководстве культурой. В свою очередь, Б.Я. Фрезинский назвал оттепелью «либеральный» период с мая 1932-го по почти весь 1933 г., когда Литгазета «печатает стихи Мандельштама <...> Пастернака <...>, почувствованный некролог М. Волошину <...>» [17, с. 242].

ЦК о литературной политике, обусловил появление на рынке вместо управляемой «финансовым механизмом» бульварщины ценностей идеологических, обеспечивающих социальную гегемонию, а с ней и вполне осязаемый материальный эквивалент. В условиях раннего нэпа «заказ на вдохновение» сначала породил «коммунистическую пинкертоновщину» с клишированными формами западной приключенческой и научно-фантастической беллетристики. После 1926 г. он явил себя в массовом производстве очерковой литературы и производственных романов — последствиях риторических стратегий и идеологических практик РАПП по «массовизации» литературного производства [16].

Теоретический каркас институционального подхода представляется наиболее подходящим для рассмотрения истории ФОСП, неразделимой с историей борьбы ВАПП / РАПП за свою долю в символическом капитале, аккумулируемом новой советской культурой.

Предпосылки и неизбежность создания Федерации объединений советских писателей коренятся в экономической ситуации раннего нэпа, существо которого состояло в острой конкуренции на рынке литературного производства. К середине нэпа, в 1925 г., в РСФСР насчитывалось уже 970 частных и государственных издательств, взявших курс на публикацию прежде всего иностранной литературы, на которую приходилось 38%, или 233 издания, русская классика — 13%, а также попутчиков, которым было предоставлено 226, или 36,5% изданий. В частных издательствах иностранная литература занимала 75–80%, современная мелкобуржуазная — 25%. Крестьянская и пролетарская литература довольствовалась всего 76 изданиями, или 12% от общей массы книг³: экономическая конкуренция не оставляла шансов малоинтересному и непрофессиональному пролетарскому, крестьянскому, армейскому писателю быть изданными и прочитанными, и созданная в октябре 1920 г. на I Всероссийском съезде пролетарских писателей ВАПП в издательском отношении оказалась изгоем: «Куда бы ни обращалось ВАПП, нам отвечали — ваша организация нам не нужна, давайте нам писателей, давайте литературу»⁴.

В условиях, когда классовые сражения ушли с полей гражданской войны, ВАПП имела право на целый ряд справедливых претензий к ЦК. Во-первых, после публикации 1 декабря 1920 г.

в «Правде» письма ЦК РКП (б) «О пролеткультах» с критикой пролеткультовских ошибок победивший класс потерял право на самостоятельное проведение культурной политики и гегемонию на фронте культурной революции. Во-вторых, партия с культурно-просветительским прицелом одобрила творческую свободу и отказ от эстетического догматизма. В ответ в обеих столицах стали один за другим появляться новые литературно-художественные журналы: «Петербург», «Дом искусства», «Записки мечтателей», «Летопись Дома литераторов», «Книжный угол», «Вестник литературы», «Художественное слово», «Жизнь», «Литературные записки» и проч., где публиковались откровенно аполитичные и подчас антибольшевистски и антипролетарски настроенные писатели А. Ахматова, В. Ходасевич, М. Зощенко, Мих. Слонимский, М. Шагинян и др., пользовавшиеся тем не менее поддержкой и одобрением центральной партийной прессы («Правда», 1922).

Декреты «О платности произведений неперидической печати» и «О введении платности газет», обнародованные в декабре 1921 г., законодательно закрепили товарно-денежные отношения при сбыте печатной продукции. Как следует из Протоколов заседаний коллегии агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП(б), 15 декабря 1921 г. периодика была переведена на хозяйственные начала⁵. Одновременно потерял монополию на книжное производство и распространение книг Госиздат, а с 1922 г. он и вовсе стал самостоятельным юридическим лицом, вступив в конкурентную борьбу на книжном рынке с кооперативными издательствами. И только та часть ГИЗа, которая из Главка Наркомпроса успела к 1922 г. вырасти до уровня Главного управления по делам печати, осталась на госснабжении.

3 февраля 1921 г. указом Н.К. Крупской заведующим редакционно-издательским подотделом Главполитпросвета был назначен А.К. Воронский, вскоре введенный в состав Коллегии Агитпропотдела Госиздата, того самого отдела, который еще в годы гражданской войны вел пропаганду и агитацию в лагере противника, занимался стилистической правкой и написанием агитлитературы. В мае 1922 г. решением Оргбюро ЦК Воронский получил назначение заместителя Н.Л. Мещерякова — руководителя Политотдела ГИЗа, бывшего одновременно председателем редколлегии ГИЗа [18, с. 86]. Как пишет М.В. Зеленов, в этот момент трудно было определить, кто формально выше — руководитель Политотдела ГИЗа

³ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 48. Л. 26, 29, 35.

⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 46. Л. 33.

⁵ ГАРФ. А-2313. Оп. 1. Д. 30. Л. 35.

или руководитель Главлита; политотдел ГИЗа или Главлит. Важно другое: в руках Воронского сосредоточились значительные материальные, идеологические и властные ресурсы [19].

Усиление Воронского меньше всего способствовало поддержке массового пролетарского писателя. Как свидетельствовал Родов, «у ВАППа было абсолютное отсутствие средств⁶. В 22 г. <...> ни один литературно-художественный журнал Москвы, а вы знаете, что отсюда начинается борьба, не оставался без непосредственного руководства Воронского или без его контролирующего влияния. Контролирующие организации были в руках Воронского, и он направлял эти журналы и издательства»⁷. Вот почему появление в 1923 г. журнала пролетарской марксистской критики (первоначально — «ежемесячный литературно-критический журнал») «На посту» стало переломным моментом в истории советской литературы. Тем не менее финансово-организационный вопрос, волновавший участников январского Всесоюзного совещания 1925 г., оставался нерешенной частью более значительной проблемы политического веса ВАПП, коррелирующей с задачей перевода культурной революции на рельсы идеологической классовой борьбы с попутчиками и привлечением внимания ЦК к отвергнутому Лениным проекту пролетарской культуры.

Борьба за небескорыстное право на эксклюзивное обслуживание интересов власти в культурно-идеологической сфере станет определяющим в отношениях ВАПП с ЦК и Наркомпросом. Через полгода после начала выхода печатного органа МАПП журнала «На посту» во главе с Б. Волиным, Г. Лелевичем, С. Родовым, 10 февраля 1924 г. создается временное правление ВАПП, включавшее представителя отдела печати ЦК Вл. Нарбутова и взявшее курс на непримиримую борьбу с интеллигентами-попутчиками — против Воронского, Всероссийского союза писателей (ВСП) и «Кузницы» — с их формально-содержательной свободой, классовой всеядностью, либерализмом и гуманизмом. Начинается создание могучей корпорации ВАПП с эффективными механизмами концентрации финансовых, идеологических и политических ресурсов.

Новое правление ВАПП видит себя «комьячейкой в литературе» и разрывает с конкурентами-попутчиками.

В результате к 1925 г. советская литература была по-прежнему раздираема борьбой между

двумя главными игроками на культурной арене Республики — одним, представленным Воронским и группой писателей-попутчиков, крепких своим талантом и творческим потенциалом и связью с высшими властными партийно-государственными структурами, и другим, обладающим широкой кружковой пролеткультовской базой и до сих пор не вызывавшим доверия ЦК в своем стремлении к самостоятельности в культурно-идеологической деятельности. Для подлинной победы ВАПП была необходима ясно артикулированная поддержка политического центра страны, ЦК партии, но позиция ЦК оставалась главным вопросом времени. Ее двойственность обнаружилась сразу после Всесоюзного совещания Ассоциации в январе 1925 г. в мягкой аттестации, которую Сталин дал Воронскому на встрече с делегацией ВАПП 2 февраля 1925 г., ошеломившей руководство ВАПП: Воронский, дескать, не водит попутчиков, а всего лишь «водим ими»⁸. Двойственность была и в Резолюции от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», и, наконец, в замысле Федерации объединений советских писателей.

Различные организационно-идеологические выводы, сделанные вапповцами из июньской резолюции ЦК, и острая реакция ЦК на непримиримую позицию напостовцев стали причиной раскола в Правлении ВАПП, избранном 1-й Всесоюзной конференцией в январе 1925 г. Вначале резолюция была оценена как победа пролетарской литературы и поражение воронщины. Однако, как комментировал ситуацию Авербах, «мы поняли, что в некоторых существенных пунктах резолюции ЦК бьет по нашим ошибкам»⁹.

После подавления в феврале-марте 1926 г. на 5-й конференции МАПП и Чрезвычайной всесоюзной конференции ВАПП крайне левого напостовского крыла, обвиненного в участии в «новой оппозиции», обновленное бюро коммунистической фракции ВАПП по-прежнему искало поддержки не в Наркомпросе, а в Отделе печати ЦК. Партийная верхушка ВАПП предлагала себя в качестве исполнительного коллегиального органа Отдела печати в качестве специальной комиссии, определив для себя фронт работ по идеологическому цензурированию литературной продукции, предполагая охватить ею не только художественную, издаваемую государственными, в том числе партийно-советскими, и частными издательствами литературу, но также

⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 46. Л. 14.

⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 46. Л. 10.

⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 74. Л. 2–3.

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

эмигрантскую, не ограничиваясь книгоизданием, но включив также газетную и журнальную периодику от Москвы до Тифлиса. ВАПП хотел поставить на контроль текущие библиографические обзоры, литературные хроники и даже литературоведческие штудии, предвосхищая литературные практики ассоциации и разметив будущую структуру ФОСП с его писательским Клубом им. А.М. Горького, Кабинетами по изучению труда и быта писателя, изучению читателя, библиографическим кабинетом, Ассоциацией переводчиков, Театральной мастерской, Детской секцией и многочисленными комиссиями – жилищной, издательской, правовой, по общим вопросам, по работе с писателями, по Литфонду и проч., создаваемых по случаю – в руководящих органах которых представители ВАПП/РАПП сформировали подавляющее большинство. Пренебрегши литературно-художественным производством, ВАПП обеспечила себе стратегически беспроигрышную позицию *над* ним и девальвацию символического капитала попутчиков с их политическими связями, творческим багажом и, главное, востребованностью на книжном рынке.

Известное суждение о том, что изгибы и повороты литературной борьбы 1920-х годов повторяли виляющую в борьбе с оппозициями «генеральную линию» партии, можно уточнить соображениями институционального самосохранения: изгибы и повороты были следствием острой конкуренции на рынке литературного производства. Зигзагоподобные «маркетинговые» ходы ВАПП – от альянсов с Лэфом и ЛЦК против Воронского до попыток изоляции пролетлитературы и отказа от федерирования, сменившихся активностью по созданию ФОСП, – были связаны с ясным пониманием того, что в условиях рыночной экономики главным признаком гегемонии на литературном фронте является «читаемость произведения» [20, с. 7]. О ней не могло быть речи в 1920–1926 гг., потому что, как справедливо писал Э. Браун, «попутчики по своему образованию, общей культуре и художественным достижениям намного превосходили борющихся пролетариев (пасынков культуры)» [1, с. 49]. ВАПП не выдерживала экономической конкуренции, об этом свидетельствовала развернувшаяся на Всероссийской конференции пролетарских писателей в январе 1925 г. дискуссия, посвященная издательским планам и возможностям «пролетаров». На ней выступивший с развернутой репликой представитель Отдела печати ЦК Вл. Нарбут наметил актуальную стратегию, затем реализованную ВАПП в ФОСП: «Нужно ли вам, как пролетарским писателям, свое издательство?

Вот вопрос спорный – можно и нужно ли? <...> Прежде всего нужно овладеть всеми существующими издательствами в области художественной литературы»¹⁰.

Нарбут имел в виду внедрение в редакции «своих людей», таких, например, как Ф. Раскольников, Д. Бедный, Д. Фурманов, Ф. Жига и проч.: количественный перевес пролетарских критиков в редакциях издательств мог обеспечить продвижение на книжном рынке пролетлитературы. Конкуренция на книжном рынке и связанная с ней гонорарная политика издательств, ориентированных на читательские запросы, ставили пролетписателей перед почти невыполнимыми требованиями к рыночному качеству литературной продукции.

Таким образом, проект объединения писательских союзов, кому бы он в конечном счете ни принадлежал, был использован ВАПП, прежде всего, для самосохранения и реализации себя как институции, что означало создание действенных рабочих механизмов для защиты и подавления сильного конкурента [8, с. 217–221]; [21] и обеспечения пространства для дальнейшего роста. Они были созданы с использованием набора обдуманых риторических ходов, скрывающих подлинные интенции рвущейся к гегемонии организации.

На словах было решено, во-первых, «отодвинуть на задний план задачу борьбы с воронщиной, с правым капитулянтским уклоном, считая, что всякие нападки на ВАПП как на организацию будут неизбежно ликвидироваться в партийном порядке». Во-вторых, приступить к организации Федерации объединений советских писателей «как формы срабатывания ВАППа с попутчиками и отрыв их от буржуазных писателей»¹¹.

Могла ли Федерация в условиях нэпа стать организационной формой для переваривания конфликтов и выработки приемов мирного сосуществования двух главных претендентов на культурную гегемонию – тех, кто по рождению и воспитанию обладал «образованием, общей культурой и художественными достижениями», и тех, кого Э. Браун удачно назвал *пасынками культуры*? «Не старая культура должна завоевывать массу, а рабочий класс должен овладеть старой культурой» [22, с. 1]. Можно ли было в этой прифронтовой ситуации создать удобно обустроенную резервацию для лояльной власти разносословных писателей? Возможно ли это было вообще в ситуации,

¹⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 48. Л. 47.

¹¹ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 73. Л. 2.

когда эквивалентом успеха в литературном поле была и все еще оставалась финансовая отдача книжной продукции?

При поддержке лояльного ВАПП Отдела Печати ЦК, решающего собственные ведомственные задачи, ФОСП был использован ВАПП как прикрытия для хитроумного решения двух своих давних стратегических задач: во-первых, для расправы со старым руководством ВАППа — Лелевичем—Родовым—Вардиным и утверждения во власти группы «октябристов» Авербаха—Киршона—Либединского; во-вторых, для окончательной победы над «Воронским Карфагеном». Важнейшим же практическим следствием появления ФОСП для ВАПП могла стать издательская программа, которая перераспределила бы публикаторские возможности федерированных писательских союзов и вырвала бы очевидное преимущество из рук монополистов-мастеров слова, развернув рынок литературной продукции к массовому рабоче-крестьянскому писателю и читателю.

Финансирование ФОСП отвечало ее федеративному строению. Основной капитал ФОСП в момент создания составил 300 000 рублей, выданных Наркомфином «в качестве авансовой ссуды без указания срока и условий кредитования впредь до оформления этого вопроса в Наркомфинплане»¹². Финансово-бюджетная комиссия ФОСП распределяла полученные средства между учредителями, организациями-дебиторами и своими подразделениями (органами), среди которых было вновь созданное издательство «Федерация». Очевидно, что такая форма финансирования допускала автономное экономическое существование каждого из членов и каждая организация могла претендовать на независимость и даже стремиться к гегемонии, и в случае успеха одна из них могла превратить ФОСП в иерархическую структуру, единовластно руководимую победившим членом, реализующим собственную политику.

Получить руководящую роль в ФОСП предоставило ВАПП Постановление ЦК от 23 августа 1926 г. «О работе советских органов, ведающих вопросами печати», предписавшее Отделу печати ЦК проводить партийные директивы через комфракции издательств и писательских союзов. 4 марта 1927 г. была создана коммунистическая фракция ФОСП во главе с секретарем ВАПП А.А. Фадеевым. Заседания комфракции ФОСП, где руководил ВАПП, стали площадкой,

где отныне оформлялись идейно-политические задачи Федерации. Наступал момент торжества ВАПП, полноты фактического осуществления его целей. Публикация романа «Краткосрочники» Куклина, поддержка его Замятиным и отказ Ленинградского отделения ФОСП осудить группу «Перевал» потребовали в конце июля 1929 г. проверки Правлением ФОСП своего Ленинградского отделения. ЛО ФОСП было создано во второй половине марта 1927 г. по инициативе Правления ФОСП. Появление Ленотдела ФОСП мотивировалось тем, что «огромный рост литературного движения и наличие целого ряда литературных организаций требуют существования руководящего литературно-политического органа, каким является Федерация писателей. Существование ФОСП в Ленинграде является тем более необходимым, что Ленинград представляет собой один из крупнейших центров литературной жизни СССР»¹³.

Проверкой, организованной правлением ФОСП в Ленинграде в конце июля 1929 г., было установлено, что в ЛО процветает местничество и кастовая замкнутость, групповщина, преодолеть которые может массовый приток пролетарской молодежи, ленинградского объединения красноармейцев и краснофлотцев и связь с московской ФОСП, что усугубляется тем, что в ЛО ВСП вообще нет комфракции и партийная работа там не ведется¹⁴. Решением комиссии в ЛО была создана комфракция как «единая постоянно действующая партийная организация, осуществляющая по директивам обкома ВКП (б) политическое руководство ЛО ФОСП», и «Бюро фракции, которое должно руководить деятельностью исполнительных органов ФОСП»¹⁵.

Пробой принципиально новых отношений — а именно фактическое руководство ФОСП коммунистической вапповской фракцией — стал известный сюжет с публикацией в «белогвардейском издательстве» контрреволюционного романа Б. Пильняка «Красное дерево», позволивший ВАПП нанести еще один мощный удар по конкурентам. Теперь удар метил в ВСП, где собралось больше всего востребованных рынком талантливых попутчиков. Дело Пильняка—Замятина позволило Авербаху потребовать проведения совещания в Отделе печати ЦК и чистки рядов ВСП: «Разрушать ВСП не имеет смысла. Нужно изменить его, дискредитируя нынешнее руководство,

¹² ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 69. Л. 37.

¹³ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

¹⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 67. Л. 2–3.

¹⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

привлекая к этому левых попутчиков и сплачивая их вокруг себя»¹⁶. Решением комфракции ФОСП старое руководство ВСП 5 сентября 1929 г. было расформировано, а сама организация переименована, став ВССП, Всероссийским союзом советских писателей.

Дело Пильняка—Замятина способствовало наступлению в истории ФОСП нового этапа, суть которого, как подчеркнул Совет ФОСП 28 июня 1930 г., в том, чтобы, наконец, «все литературные организации сплотились вокруг РАПП, чтобы помочь завоеванию гегемонии пролетарской литературой»¹⁷. С этого момента федеративный, а значит и конкурентный период в истории ФОСП, отвечавший политико-идеологической и экономической природе нэпа, закончился. Появление новой, рапповской, с точки зрения политико-идеологического руководства, ФОСП указывает на существенное изменение в жизни литературных объединений в годы первой пятилетки. Оно связано с окончательным закреплением другого типа финансово-юридических отношений между писателем и заказчиком, который ярко иллюстрирует судьба издательства ФОСП «Федерация».

Впервые вопрос о специальном издательстве при ФОСП возник на заседании Правления уже 6 января 1927 г. «Если есть общая платформа, то есть и общее лицо, будет и основная группа», — считал Воронский, имея в виду свободное объединение в изданиях ФОСП попутчиков и вапповцев¹⁸. Однако ВАПП не допускала возможности издания «общих альманахов, в которых одновременно участвовали бы члены ВАПП и члены ВСП»¹⁹. Когда же 14 января 1927 г. Отделу печати было заявлено о желании ФОСП иметь свое собственное издательство и процесс его создания стартовал, ВАПП увидела здесь перспективу для выполнения наставлений Вл. Нарбута о создании численного перевеса «пролетаров» в издательствах и редакциях. Единственным способом достичь нужного перевеса были политико-идеологические аргументы, выдвинутые от имени ФОСП. Еще недавно, в 1926 г., ВАПП жаловалась в Отдел печати ЦК, что «в литературной критике процветает все что угодно, кроме четкой ортодоксально-марксистской идеологической линии. В то время такие факты, как одинаковое финансирование Совнаркомом ВАПП и “Круга”, подрывают у нас убежденность в важности нашей

работы. ВАППу, имеющему организации во всех губерниях и на всех крупных предприятиях союза, дается столько же денег, сколько и “Кругу”, издательству тех групп писателей, которые и без того, по большей части, могут найти издателей. <...> еще худшее происходит в национальных республиках, там местные органы совершенно отказываются финансировать ВАППовские организации, издавая литературу, которую не всегда можно назвать попутнической»²⁰. В 1928 г. возможность победы над попутчиками в издательской сфере стала почти реальностью. От имени комфракции ФОСП потребовала передачи себе всех материальных активов «Круга» и поглощения его марки и ресурсов издательством «Федерация». 11 апреля 1928 г. Исполбюро ФОСП получило заявление от артели «Круг», где были сформулированы условия, на которых артель готова войти в ФОСП. Во-первых, она требовала для себя автономии, самостоятельности и дееспособности на рынке книжной продукции, обеспечения себя издательским планом и правом выпускать продукцию под двумя марками; во-вторых, желала представительства в редсовете издательства «Федерация» и в руководящих органах ФОСП; в-третьих, хотела получить право выхода из ФОСП со всем своим капиталом. Но сопротивление было напрасно: «Круг» был поглощен «Федерацией». Борьба с «Красной новью» шла труднее. Лишь в 1931 г. ФОСП принял решение сделать журнал собственным печатным органом. Новый состав редколлегии возглавил А.А. Фадеев.

«Федерация» начала функционировать уже в октябре 1927 г. Согласно Уставу, она являлась «общественным издательством республиканского значения, действующим на началах хозяйственного расчета <...> прибыль распределяется решением ФОСП и по ее усмотрению»²¹. Однако в середине 1929 г. на первый план вышли требования политико-идеологические, а к началу 1932 г. работа издательства изменилась в корне. От редакции и редсовета потребовали повысить политическую ответственность, что было отмечено в протоколе заседания Правления издательства от 13/1-1932 г.: «Вся продукция этого года идет под сугубым контролем как в редакционном, так и в политическом отношении, и план издательства носит не только производственный, а и литературно политический характер, отвечающий задачам социалистического строительства»²².

¹⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

¹⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

¹⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.

¹⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.

²⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 129. Л. 6.

²¹ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

²² ОР ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 69. Л. 3

Закономерно, что уровень многих произведений, созданных по социальному заказу, оказался настолько низким, что в январе 1932 г. издательство было вынуждено списать по счету законсервированных и отклоненных рукописей в убыток 39187 руб. 46 коп. [23].

Но не этот итог существенен для истории литературы, а то, что создание «Федерации» позволило РАПП завершить начатую ее предшественницей, ВАПП, стратегическую задачу вовлечения в творческий процесс большого числа непрофессиональных малообразованных писателей из числа рабочих, крестьян, красноармейцев, *создания массового потребителя пролетарской литературной продукции* и подавления символической ценности высокохудожественной литературы и писательского профессионализма. Осуществить эту трансформацию ценностей стало возможно, когда на культурной арене явилась рабоче-крестьянская масса, требовавшая себе «права на культуру». ВАПП заявила о себе во весь голос, когда «культурность» и «образованность», представлявшие всегда весомую социальную ценность, стали стратегиями продвижения по лестнице социальных статусов. Неудивительно, что ВАПП оказалась в этом поле абсолютным монополистом, получив исключительные права на работу с массами Резолюцией ЦК 1925 г. Она, как писал журнал «На литературном посту», «заставила широкие слои партии (и не только партии) пристальнее взглянуть на те организации, которые пролетлитературное движение оформляют, направляют в коммунистическое русло. Такой организацией, ставящей задачу охвата массового литературного движения, начиная от *зародышевых*, но в то же время небывалых по охвату форм (рабкоры, стенгазеты и др.) и кончая идеологически осознанной литературно-художественной продукцией (выявившие себя писатели-мастера), — является ВАПП» [24, с. 44].

Понятие «массовой литературы» Резолюция по-ленински трактовала как литературу, рассчитанную на «действительно массового читателя, рабочего и крестьянского», как художественную форму, «понятную миллионам», как «новую литературу — пролетарскую и крестьянскую, в первую очередь» [25]. Создание массовой литературы, согласно Резолюции, было программой «массового культурного роста» как единственного пути к «коммунистическому обществу», проходящему *зародышевые* формы — рабселькоровские кружки. Таким образом, концепция массовой рабоче-крестьянской литературы стала охранной грамотой ВАПП, получившей из рук ЦК идеологическое

оружие в борьбе с монополизацией книжного рынка попутчиками и аргумент в общении с Наркомпросом для финансовой поддержки своей политической линии в ФОСП.

Итак, ФОСП как инструментальная институция родилась преждевременно, недоношенной, зачатой в недрах укрепляющего свои позиции Отдела печати ЦК, курируемого Сталиным, в то время равнодушным к литературным боям²³, и была использована ВАПП для защиты и расширения своих институциональных границ. Сама ФОСП с самого своего возникновения была обречена на гибель, так как была детищем нэпа, когда возможности литературных группировок определялись рынком и конкуренция сильных игроков подтачивала перспективы директивного управления литературой. Кроме того, история ФОСП неразделима с историей конкурентной борьбы ВАПП / РАПП за свою долю в символическом капитале, аккумулируемом новой советской культурой. Определенный успех, которого добилась на этом пути ВАПП / РАПП, действительно сумевшая деинституциализировать вошедшие в ФОСП организации, перемолов их в «сборное месиво из обломков всех групп», не был нужен ЦК. «Другой» институт с прямым, без посредников, управлением, с новым типом отношений литератора и работодателя, был создан в 1934 г. в виде гомогенного массового писательского союза — Союза советских писателей СССР, удачно названного Б. Фрезинским *наркоматом литературы*, направляемым непосредственно Политбюро. Вместе с ним была уничтожена и надолго забыта ФОСП, как и приватизировавшая его РАПП, «генетический код» которых принадлежал к предыдущей эпохе. Однако созданные РАПП и отработанные в ФОСП литературные практики и организационные решения успешно хабиитуализировались и послужили Союзу писателей СССР «унаследованным настоящим» [8, с. 213] — долговечной матрицей для институционального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Brown E.J.* The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932. N.Y.: Columbia univ. press, 1953. 311 p.

²³ «Роль И.В. Сталина в вопросах руководства литературным процессом <...> до начала 1930-х годов представляется <...> минимальной. В этот период генеральный секретарь партии не принимал активного участия в борьбе за идеологическое формирование позиции ЦК по ключевым вопросам развития и состояния советской литературы» [26, с. 4–5].

2. Шешуков С.И. Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов. М.: МПГУ, 2013. 336 с.
3. Metcalf A. The Founding of the Federation of Soviet Writers: The Forgotten Factor in Soviet Literature of the Late Twenties // *The Slavonic and East European Review*, Vol. 65. No. 4. Pp. 609–616.
4. Рогачевский А. В преддверии союза писателей СССР: ФОСП и институциональные рамки объединения советских писателей в 1920-е годы // Соцреалистический канон / Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 265–278.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
6. Коваленко Д.А., Ознобишин Д.В. К вопросу о революционном творчестве рабочих масс после свержения самодержавия в России // *Вопросы истории*. 1958. № 1. С. 22–44.
7. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
8. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: АСТ, 2021. 416 с.
9. Советское литературоведение и критика. Библиографический указатель. М., 1966. 586 с.
10. Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: по архивным материалам. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 492 с.
11. Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 498 с.
12. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 350 с.
13. Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: Введение в социологию литературы. М.: РГГУ: Ин-т европ. культур, 1998. 76 с.
14. Бурдые П. Поле литературы. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3042> (дата обращения: 18.07.2023 г.)
15. Степанов Б.Е. Борис Дубин и российский проект социологии культуры // *Общественные науки и современность*. 2015. № 6. С. 163–173.
16. Московская Д.С., Бакшаева Н.Ю., Романова О.В. Массовость и «массовизация» в раннесоветском литературном процессе // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 4. С. 10–33. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33>
17. Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди: избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак 2000, 2008. 668 с.
18. Динерштейн Е.А. А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001. 357 с.
19. Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород: Волго-Вят. акад. гос. службы, 2000. 538 с.
20. Авербах Л. Культурная революция и современная литература // *На литературном посту*. 1928. № 13–14. С. 1–11.
21. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Институциональная экономика. URL: https://www.studmed.ru/kuzminov-yai-yudkevich-mm-institucionalnaya-ekonomika_bafac2a.html (дата обращения 16.09.2023 г.)
22. На путях культурной революции // *На литературном посту*. 1926. № 1. С. 1–3.
23. Московская Д.С., Гальцова Е.Д. «Издательские страсти» ФОСП (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН // *Studia Litterarum*, 2020. Т. 5. № 4. С. 394–419. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-394-419>
24. Корабельников Г. Что такое МАПП? // *На литературном посту*. 1926. № 3. С. 44–46.
25. Резолюция ЦК ВКП (б) «О политике партии в художественной литературе». URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.html> (дата обращения: 18.07.2023 г.)
26. «Счастье литературы». Государство и писатели / сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. 318 с.

REFERENCES

1. Brown, E.J. *The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928–1932*. N.Y.: Columbia univ. Press Publ., 1953. 311 p. (In English)
2. Sheshukov, S.I. *Neistovye revniteli: iz istorii literaturnoj borby 20-h godov* [Fierce Zealots: From the History of the Literary Struggle of the 1920s]. Moscow: MPGU Publ., 2013. 336 p. (In Russ.)
3. Metcalf, A. The Founding of the Federation of Soviet Writers: The Forgotten Factor in Soviet Literature of the Late Twenties. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 65, No. 4, pp. 609–616. (In English)
4. Rogachevskiy, A. *V predverii sojuza pisatelej SSSR: FOSP i institucionalnye ramki objedinenija sovetskih pisatelej v 1920-e gody* [On the Threshold of the Union of Writers of the USSR: FOSP and the Institutional Framework of the Association of Soviet Writers in the 1920s]. *Sotsrealisticheskii kanon. Sbornik statei pod obshchei redaktsiei X. Giuntera i E. Dobrenko* [Canon of Socialist Realism. Collection of Articles under the General Editorship of H. Günther and E. Dobrenko]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 265–278. (In Russ.)
5. Berger, P., Lukman, T. *Socialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Translated by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russ.)
6. Kovalenko, D.A., Oznobishin, D.V. *K voprosu o revoliucionnom tvorchestve rabochih mass posle sverzhenija samodержavija v Rossii* [On the Question of the

- Revolutionary Creativity of the Working Masses after the Overthrow of Autocracy in Russia]. *Voprosy istorii* [Topics in the Study of History]. 1958, No. 1, pp. 22–44. (In Russ.)
7. Veber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Writings], Transl. from German. Moscow: Progress Publ., 1990. 804 p. (In Russ.)
 8. Veblen, T. *Teorija prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: AST Publ., 2021. 416 p. (In Russ.)
 9. *Sovetskoe literaturovedenie i kritika. Bibliograficheskij ukazatel* [Soviet Literary Studies and Criticism. Bibliographical Index.] Moscow, 1966. 586 p. (In Russ.)
 10. *Konec institucij kultury dvadcatykh godov v Leningrade: po arhivnym materialam* [The End of the Cultural Institutions of the Twenties in Leningrad: on the Basis of Archival Material]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 492 p. (In Russ.)
 11. Kornienko, N.V. “Njepovskaja ottepel”: stanovlenie instituta sovetskoy literaturnoj kritiki [“Nepov’s Thaw”: The Formation of the Soviet Literary Criticism]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2010. 498 p. (In Russ.)
 12. Gudkov, L., Dubin, B. *Literatura kak socialnyj institut: Statji po sociologii literatury* [Literature as a Social Institution: Articles on the Sociology of Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 350 p. (In Russ.)
 13. Gudkov, L., Dubin, B., Strada, V. *Literatura i obshchestvo: Vvedenie v sociologiju literatury* [Literature and Society: An Introduction to the Sociology of Literature]. Moscow: RGGU Publ., In-t evrop. kultur, 1998. 76 p. (In Russ.)
 14. Bourdieu, P. *Pole literatury* [The Field of Literature]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3042> (date of access: 18.07.2023). (In Russ.)
 15. Stepanov, B.E. *Boris Dubin i rossijskij proekt sociologii kultury* [Boris Dubin and the Russian Project of Sociology of Culture]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Science and Modernity]. 2015, No. 6, pp. 163–173. (In Russ.)
 16. Moskovskaya, D.S., Bakshaeva, N.Ju., Romanova, O.V. *Massovost i “massovizatsiia” v rannesovetskom literaturnom protsesse* [Mass Character and “Massovization” in the Early Soviet Literary Process]. *Studia Litterarum*. 2022, No. 4, Vol. 7, pp. 10–33. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33> (In Russ.)
 17. Frezinskiy, B.Ja. *Pisateli i sovetskie vozhd: izbrannye sjuzhety 1919–1960 godov* [Writers and Soviet Leaders: Selected Stories 1919–1960.]. Moscow: Jellis Lak 2000 Publ., 2008. 668 p. (In Russ.)
 18. Dinershtein, E.A. *A.K. Voronskiy: V poiskah zhivoj vody* [A.K. Voronsky: In Search of Living Water]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 357 p. (In Russ.)
 19. Zelenov, M.V. *Apparat CK RKP(b) – VKP(b), cenzura i istoricheskaja nauka v 1920-e gody* [The Apparatus of the Central Committee of the RCP(b) – All-Union Communist Party of Bolsheviks, Censorship and Historical Science in the 1920s]. N. Novgorod: Volg-Vjat. akad. gos. Sluzhby Publ., 2000. 538 p. (In Russ.)
 20. Averbach, L. *Kulturnaja revoljucija i sovremennaja literature* [The Cultural Revolution and Modern Literature]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1928, No. 13–14, pp. 1–11. (In Russ.)
 21. Kuzminov, Ja.I., Judkevich, M.M. *Institucionalnaja jekonomika* [Institutional Economics]. URL: https://www.studmed.ru/kuzminov-yai-yudkevich-mm-institucionalnaya-ekonomika_6afac2a.html (date of access: 16.09.2023). (In Russ.)
 22. *Na putjah kulturnoj revoljucii* [On the Paths of Cultural Revolution]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1926, No. 1, pp. 1–3. (In Russ.)
 23. Moskovskaya, D.S., Galtsova, E.D. “Izdatelskie strasti” FOSP (po materialam Otdela rukopisej IMLI RAN) [FOSP’S “Publishing Passion”: on the Materials Held in the Department of Manuscripts of IWL RAS]. *Studia Litterarum*. 2020, Vol. 5, No. 4, pp. 394–419. URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-394-41> (In Russ.)
 24. Korabelnikov, G. *Chto takoe MAPP?* [What is MAPP?]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1926, No. 3, pp. 44–46. (In Russ.)
 25. *Rezoljucija CK VKP (b) “O politike partii v hudozhestvennoj literature”* [Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks “On the Party’s Policy in Fiction”]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.html> (date of access: 18.07.2023). (In Russ.)
 26. “Schastje literatury”. *Gosudarstvo i pisateli* [“The Happiness of Literature”. The State and Writers], Compl. by D.L. Babichenko. Moscow: ROSSPEN Publ., 1997. 318 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 октября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 декабря 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on October 23, 2023
Revised on December 7, 2023
Accepted on April 15, 2024
Date of publication: June 30, 2024